[34] См.: James P., McGann. Op. cit. P. 36.
[35] Ibid. P. 41.
[36] См.: Бетеня А. П. Неправительственные центры России по изучению ЕС // Беларусь в современном мире: материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 91-летию образования Белорусского государственного университета, Минск, 30 окт. 2012 г. Минск, 2012. С. 30.

Поступила в редакцию 17.01.13.

Александр Петрович Бетеня – аспирант кафедры историковедения. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени И. И. Шумский.

УДК 94(37)

А. А. ТОРКАНЕВСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ РИМА ПЕРИОДА ПРИНЦИПАТА

Посвящена проблеме государственной идеологии Рима периода принципата. Анализируются основные компоненты государственной идеологии Рима этого периода, такие как «римский мир», «римский миф», «золотой век» правления каждого императора. Особое внимание уделяется культу императора с его пропагандой «мира и безопасности», обеспечиваемых им для всего населения Римской империи, стабильности благополучия при правлении каждого императора, «божественности» его персоны. Подчеркивается, что культ римского императора представлял собой религиозно-политическое явление. Однако политический кризис империи III в. привел и к кризису государственной идеологии. В конкурентную борьбу на идеологическом поле активно вступает христианская религия, которая с самого начала вступила в серьезные противоречия с идеологией принципата. Делается вывод, что идеологические установки, насаждаемые «сверху», в конечном итоге терпят неудачу. Не имеющая искренней массовой поддержки «снизу», идеология быстро теряет приверженцев и перестает быть эффективной. Выводы статьи могут быть использованы в учебном процессе для подготовки учебно-методических материалов, лекционных курсов и семинаров по истории Древнего Рима, античного христианства и истории религии. Полученные результаты могут быть использованы для обобщающих исследований социальной истории и идеологии принципата.

Ключевые слова: Рим; Римская империя; идеология; культ императора; принципат; религия; христианство.

The article deals with the problem of state ideology of Rome in the period of principate. The author analyses main components of the ideology of the principate such as «Roman Peace», «Roman myth», the «golden age» of each emperor's reign. Special attention is given to the cult of the emperor with its promotion of «peace and security» provided by the emperor of the whole population of the Roman Empire, stability of well-being during the reign of each emperor, «divinity» of his persona. It is stressed that the cult of the Roman emperor was a religio-political phenomenon. However, the political crisis in the Empire in the III century A. D. has led to a crisis of the state ideology. In the competitive struggle in the ideological field is actively entering the Christian religion which from the very beginning has come into serious conflict with the ideology of the principate. The author comes to a conclusion that the ideological enforcers «from above», in the end, fail. The ideology without genuine mass support «from below» is rapidly losing adherents and ceases to be effective. Conclusions of the article can be used in the educational process for the preparation of teaching materials, lectures and seminars on the history of ancient Rome, ancient Christianity and the history of religion. The results can be used to generalize the study of social history and ideology of the principate.

Key words: Rome; Roman Empire; ideology; cult of the emperor; principate; religion; Christianity.

Гражданские войны, лихорадившие на протяжении I в. до н. э. республиканский Рим, закончились с установлением в 27 г. до н. э. Октавианом Августом новой формы правления, еще в древности получившей название «принципат». В эпоху республики принцепсом (princeps senatus) называли того сенатора, который первым брал слово на заседаниях сената, предлагая законы либо выдвигая кандидатуры. Это был пожизненный титул, носители его считались первыми, лучшими, знатными и влиятельными людьми в государстве. Теперь данные прерогативы вместе с титулом закрепились за Октавианом, который, формально сохранив республиканские институты и формы правления и даже объявив о восстановлении старой республики, фактически сосредоточил всю власть в своих руках.

С установлением режима принципата римские граждане постепенно утрачивали свои политические права: выбирать главных представителей исполнительной власти (магистратов) и соответственно быть выбранными на эти должности, влиять на определение внутренней и внешней политики государства через участие в народных собраниях (комициях). Объективно римские комиции уже не могли отражать интересы многомиллионного населения империи. При Августе они становятся послушным орудием принцепса, а после его смерти избирательные комиции и вовсе перестают собираться. Чисто формальный характер сохранили лишь изредка собиравшиеся законодательные комиции. Такие магистратуры, как преторы, квесторы и эдилы, со временем становились чисто городскими должностными лицами Рима, а их действия зависели от воли принцепса. Кроме того, постепенно падал авторитет сената из-за неспособности управлять политическими событиями и направлять их в интересах всего римского общества. Параллельно государственной казне (эрарий) появляется императорская казна (фиск), пополнявшаяся доходами от императорских провинций. По словам советского историка Н. А. Машкина, именно принципат «был призван завершить тот процесс, который давно уже наметился в рабовладельческом обществе: город-государство должен был уступить место мировой монархии»[1]. В свою очередь, по мнению исследователей, этот кризис полиса повлек за собой и кризис системы традиционных ценностей римлян, кризис морали и нравов[2].

Постепенно происходили определенные изменения и на ментальном уровне, обусловившие принятие в массах нового политического режима. Говоря о длительном процессе перехода от республики к монархии, российский историк Я. Ю. Межерицкий замечает, что «в конечном счете направле-

ние и исход событий определили метаморфозы, происходившие в сфере ментальности»[3]. Поэтому параллельно с формированием политической системы принципата шло оформление идеологической доктрины его обоснования. Всем переменам, как в социально-политической жизни римского государства, так и в психологии его жителей, было дано соответствующее оформление в новой официальной идеологии. Благодаря умелой пропаганде эта идеология поначалу превосходно маскировала превращение республики в монархию, замену старых порядков новыми, а также нашла свое отражение в религии. Как справедливо заметил советский исследователь С. Л. Утченко, «именно при Августе политической пропаганде начинает придаваться чрезвычайно важное значение и она впервые приобретает черты государственного предприятия»[4].

В основе официальной идеологии императорского Рима лежали представления о так называемом «римском мире», «римском мифе», «золотом веке», а также культ императора. «Римский миф» представлял собой идею об «особой исторической миссии Рима, определенной богами»[5]. Как писал древнеримский поэт Гораций, Рим покорял своих врагов «благим участьем мощных богов» (Оды, IV, 14)[6]. А поскольку своей славы, величия и непобедимости Рим достиг именно благодаря богам, то отсюда следовала необходимость почитания верховных божеств-покровителей Рима (капитолийской троицы) – Юпитера, Юноны и Минервы. Официальная пропаганда внушала также, что принцепс, правивший империей, получал определенное благословение главных римских божеств и фактически являлся их земным представителем. Именно император по милости богов приносит в период своего правления «золотой век», т. е. мир и благополучие для своих подданных: «Ты наш защитник, Цезарь! Ни гибельной войны гражданской ужас не страшен нам, ни гнев, кующий меч…» (Оды, IV, 15)[7].

Благополучие Рима и идея «золотого века» прочно связывались с божественным характером власти самого Августа. Поэтому божественность императорской власти была оформлена в специальном культе императора, который формировался постепенно и свое окончательное завершение получил при династии Северов. Именно тогда закрепилось представление о том, что все члены правящей династии имеют божественную природу и что «всякий гражданин империи был, прежде всего, подданным императора»[8].

Очевидно, что принципат как новое политическое явление должен был получить закономерную религиозную окраску. Это находит подтверждение в характеристике Е. М. Штаерман императорского культа как новой силы, «цементировавшей уже не общину, а империю»[9]. Схожую оценку дает и Н. А. Машкин: «Единая империя должна была иметь единый культ»[10].

Сам титул «Август», в 27 г. до н. э. присвоенный первому императору Октавиану сенатом, означал «возвеличенный божеством», или «величественный»[11]. По мнению Е. М. Штаерман, данный титул был определенным «компромиссом между положением человека и бога, как титул “принцепс” был компромиссом между положением царя и гражданина»[12].

Кроме того, Октавиан Август носил официальный титул «сын божественного» (divi filius), а также являлся верховным жрецом римской языческой религии (pontifex maximus) и еще ряда религиозных коллегий. А со времени Тиберия «император обязательно избирался и кооптировался во все коллегии… что позволяло ему контролировать все жреческие постановления»[13]. Последнее обстоятельство давало ему (а впоследствии и его преемникам) возможность по своему усмотрению вводить или реформировать тот или иной культ. Таким образом, принцепс полностью контролировал и религиозную политику государства. Наконец, трибунская власть принцепса прочно связывалась в сознании римлян с представлением о священной и неприкосновенной личности носителя этой власти.

Сам культ римского императора, по мнению ряда ученых, представлял собой религиозно-политическое явление, так как поклонение культу владыки империи означало не только проявление религиозности, но также подтверждение верности и лояльности политическому режиму принципата[14]. Поэтому и жреческие должности официального культа представляли собой разновидность гражданских должностей, в армии почитание гения императора являлось «религиозным выражением военной дисциплины»[15]. Можно согласиться с А. П. Кажданом, что господствующий класс с помощью культа императора обожествлял существующий строй, а сам культ постепенно «терял личный характер и превращался в культ императорской власти вообще»[16]. Особенно это стало очевидно после того, как император Веспасиан учредил культ всех обожествленных императоров, т. е. божественности не отдельного принцепса, а императорской власти в целом. Поэтому вполне логичен вывод о том, что обряды данного культа были «скорее политического, нежели религиозного содержания»[17]. Отсюда понятно, почему, по утверждению Е. М. Штаерман, «граждане, если они соблюдали официальный императорский культ, могли высказывать любое мнение о богах вообще, хотя бы и вовсе отрицать их существование»[18]. В то же время те, кто по каким-то причинам не желал участвовать в отправлении культа императора, как, например, христиане, подвергались наказаниям, ибо власти усматривали в этом политическую нелояльность. Отказ от участия в отправлении культа императора означал фактически попирание могущества империи и поэтому являлся основным поводом для всех массовых и локальных имперских гонений на христиан.

Однако, став предметом повседневной пропаганды, идея «римского мифа» и всех связанных с ним ценностей со временем приелась и перестала вдохновлять простых граждан. Ю. Г. Чернышов связывает идеологические представления о «римском мифе» и «золотом веке» с понятием о так называемой «осуществленной утопии»[19]. По словам того же автора, «такие “техничные” приемы, как создание “официальных утопий”, способны дать краткосрочный результат, но в конечном итоге они приводят

лишь к еще более глубокому отчуждению народа от власти»[20]. Поэтому если при Августе в пропаганду и официальную идеологию еще искренне верили, то со временем «сторонников у нее становилось все меньше, а у многих, так или иначе страдавших от существующего строя, она вызывала более или менее осознанный протест»[21]. А главное, официальная пропаганда императорского культа была важнейшим средством насаждения «сверху» ментальности подданных среди римлян и провинциалов, разрушая тем самым традиции полисного общества и соответствующую психологию. И если об императоре Октавиане Августе еще можно сказать, что он действительно установил в империи мир, а также правил по всеобщему согласию и во всеобщих интересах: «Отпрыск добрых богов, рода ты римского охранитель благой, мы заждались тебя!» (Оды, IV, 5)[22], то относительно большинства его последователей данное утверждение уже не будет верным. Отсюда реакцией на утверждения о мире и благополучии как лозунгах императорской пропаганды были следующие слова апостола Павла: «Ибо, когда будут говорить: “мир и безопасность”, тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве» (1 Фес., 5, 3)[23]. В связи с этим Е. М. Штаерман подчеркивала, что «в противоположность “золотому веку” самое понятие “век” стало в христианстве синонимом зла, “люди сего века” – синонимом грешников»[24].

В итоге верующие не смогли связать свои чаяния с обожествлявшимся императором, который был для них весьма далек, даже более далек, чем сами боги, которых можно было о чем-то просить и умилостивить. Официальный характер культа делал его сухим, лишенным глубоких внутренних переживаний. И особенно в условиях социально-политического кризиса III в. император не смог стать в глазах верующих всесильным божеством-спасителем. Поэтому, несмотря на всеобщий характер культа императора, в римском обществе шли активные религиозные поиски всемогущего божества-заступника. Как отмечает И. С. Свенцицкая, «люди искали духовной компенсации в несовершенном мире, помощи не властей, а могущественных божественных сил»[25]. Именно христианство стало той религией, которая укрепляла веру в загробную жизнь и во всемогущего бога-отца космократора, а также на примере Иисуса показывало бога, близкого простому человеку.

Таким образом, опыт изучения истории государственной идеологии императорского Рима показывает, что политический кризис империи III в. привел и к кризису идеологии. В условиях кризиса образ всемогущего «божественного» императора, а также идея могущества Рима резко расходились с действительностью. Положения официальной идеологии уже не были подкреплены реальным положением вещей. Идеологические установки, насажденные «сверху», в конечном итоге потерпели неудачу. Не имевшая искренней массовой поддержки «снизу», государственная идеология Рима периода принципата к III в. уже теряет приверженцев и перестает быть эффективной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1 Машкин Н. А. Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949. С. 606.

2 См.: Брейкин О. В. Мораль Древнего Рима (VIII – I вв. до н. э.). Саранск, 1992. С. 179; Чернышов Ю. Г. К вопросу о содержании «государственной идеологии» в Римской империи // Античное общество IV: Власть и общество в античности: материалы конф. антиковедов, Санкт-Петербург, 5–7 марта 2001 г. СПб., 2001. С. 208; Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. С. 269.

3 Межерицкий Я. Ю. Принципат Августа: от республики к монархии // Древнее право. IUS ANTIQUUM. 1996. № 1. С. 156–160.

4 Утченко С. Л. Указ. соч. С. 210.

5 Федосик В. А. Античный триумф христианства // Проблемы истории христианства: сб. науч. ст. Минск, 2001. С. 5.

6 Гораций К. Ф. Оды // Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970. С. 205.

7 Гораций К. Ф. Указ. соч. С. 206.

8 Колосовская Ю. К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура Древнего Рима: в 2 т. М., 1985. Т. 2. С. 190, 193.

9 Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 207.

10 Машкин Н. А. Указ. соч. С. 564.

11 Там же. С. 510.

12 Штаерман Е. М. Социальные основы… С. 173.

13 Шайд Дж. Религия римлян. М., 2006. С. 148.

14 См.: Колосовская Ю. К. Указ. соч. С. 193; Машкин Н. А. Указ. соч. С. 567; Федосик В. А. Киприан и античное христианство. Минск, 1991. С. 10; Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 79; Alston R. Aspects Of Roman History. AD 14–117. London; New York, 2005. P. 309–311; Mattingly H. Roman Imperial civilisation. New York, 1959. P. 260; McGiffert A. C. A history of Christianity in the apostolic age. New York, 1929. P. 155.

15 Машкин Н. А. Указ. соч. С. 510.

16 Каждан А. П. Религия и атеизм в древнем мире. М., 1957. С. 261.

17 Там же. С. 262.

18 Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. М., 1975. С. 90.

19 Чернышов Ю. Г. Указ. соч. С. 210.

20 Там же. С. 210.

21 Штаерман Е. М. Кризис... С. 179.

22 Гораций К. Ф. Указ. соч. С. 187.

23 Новый завет. М., 1995. С. 249.

24 Штаерман Е. М. Кризис… С. 168.

25 Свенцицкая И. С. Первые христиане и Римская империя. М., 2003. С. 27.

Поступила в редакцию 29.05.13.

Андрей Анатольевич Торканевский – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.